

УДК 821.111. «19»
DOI: 10.32342/2523-4463-2021-1-21-5

С.А. ВАТЧЕНКО,
*кандидат філологічних наук,
доцент кафедри зарубіжної літератури
Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара*

«АМЕЛИЯ» ГЕНРИ ФИЛДИНГА. ТЕМАТИЧЕСКОЕ МНОГОГОЛОСИЕ РОМАНА

В статье предпринята попытка описания содержательной емкости последнего романа Филдинга «Амелия», который со времени публикации и по сей день остается предметом полемики исследователей. Появление текста «Амелии» стало заметным событием в биографии писателя, так как автор, находясь в зените славы, представил на суд читателей произведение экспериментальное, отмеченное новизной поиска, отказавшись от формы *comic epic roem in prose*, увековеченной им в национальном шедевре – «Истории Тома Джонса, найденыша». Отбросив приемы, прижившиеся в английской прозе благодаря виртуозному повествовательному мастерству, созданию образа всеведущего автора (выступившего в роли теоретика и практика романа), театрализовав игру с читателем через технику метанарратива, Филдинг в «Амелии» предпочтет сдержанную позицию повествователя, широко используя свойства драматургии. Избрав незамысловатый сюжет о днях трудностей, безденежья и унижений молодой семейной пары, органичный для европейского сентиментализма, Филдинг – вследствие тематической насыщенности романа, обилия в нем аллюзий, двойственности натур персонажей, обращения к поэтике намеков и умолчаний – рассказ о жизни либертина в семье (В. Скотт) представит не столько как урок руководствующемуся страстями протагонисту, сколько как его нравственное преобразование, пришедшее с опытом «искусства жизни». В соответствии с заявленной проблемой использованы историко-литературный, социокультурный и герменевтический методы в синтезе с техникой «пристального чтения» (*close reading*).

Ключевые слова: контекст, содержательный круг событий, художественное время и пространство, сюжет, герои, мотивика, композиционное развертывание темы.

У статті здійснено спробу опису змістовної ємності останнього роману Філдінга «Амелія», який з часів публікації і досі залишається предметом полеміки дослідників. Поява тексту «Амелії» стала помітною подією у біографії письменника, так як автор, будучи у зеніті слави, подав на суд читачів експериментальний твір, відзначений новизною пошуку, і відмовився від форми *comic epic roem in prose*, увічненої ним у національному шедевр – «Історії Тома Джонса, знайди». Відкинувши прийоми оповідної майстерності, що прижилися в англійській прозі, створення образу всезнаючого автора (який виступив у ролі теоретика й практика роману і театралізував гру з читачем за допомогою техніки метанарративу), Філдинг в «Амелії» віддасть перевагу стриманій позиції розповідача, використовуючи властивості драматургії. Обравши сюжет про дні труднощів й принижень молодій сімейній парі, численні алюзії, двоїстість персонажів, звернення до поетики натяків – розповідь про життя лібертина у родині (В. Скотт) подасть не стільки як життєвий урок протагоністу, який завжди підкорювався пристрастям, скільки як його моральне перетворення, що приходить з досвідом «мистецтва життя». Відповідно до заявленої проблеми застосовано історико-літературний, соціокультурний та герменевтичний методи в синтезі з технікою «ретельного читання» (*close reading*).

Ключові слова: контекст, змістове коло подій, художній часопростір, сюжет, герої, мотивіка, композиційне розгортання теми.

В статье предпринята попытка описания содержательной емкости последнего романа Филдинга «Амелия», который со времени публикации и по сей день остается предметом полемики исследователей. В соответствии с заявленной проблемой использованы историко-литературный, социокультурный и герменевтический методы в синтезе с техникой «пристального чтения» (close reading).

12 декабря 1751 г. 44-летний Генри Филдинг предварил недавно завершённую рукопись романа посвящением, адресованным другу и покровителю, достойному Ральфу Аллену, филантропу, меценату, снискавшему среди современников репутацию участливого, благожелательного человека (“the benevolent man”). Ральф Аллен остался в памяти англичан как личность яркая, незаурядная. Он прошел путь от юного клерка небольшой провинциальной почты до реформатора почтмейстерской службы Британии, упорным трудом составил большое состояние, вложил его в строительство города-курорта Бата [Воусе, 1967]. Удачно приобретя каменоломни, Аллен и его единомышленник, архитектор Джон Вудстарший, придали Бату запоминающийся георгианский облик, превратив прежде неприглядное поселение в фешенебельное пространство для отдыха состоятельных европейцев. Аллен располагал к себе людей, казалось, всегда был полон оптимизма и деятелен¹. Неслучайно наряду со школьным приятелем Филдинга, политиком и поэтом Джорджем Литтлтоном Аллен стал прототипом добросердечного сквайра Олверти из «Истории Тома Джонса, найденыша», моральным арбитром для писателя в его рассуждениях о добре и торжествующем в современном обществе зле, а также воплощением реального опыта противостояния трудностям, которое Филдинг назовет «искусством жизни»², искусством укрощения прихотливой Судьбы, отступающей перед выверенностью человеческих поступков.

Последний роман Филдинг назовет «Амелия»³ и признает, что он – его любимое детище [Ингер, 1996; Battestin, 1989; Pagliaro, 1998; Paulson, 2000; Varey, 1986]. Читательская аудитория, напротив, пылкой симпатией «Амелию» не удостоит⁴. Тем не менее все экземпляры первого издания «Амелии» будут мгновенно раскуплены ценителями таланта Филдинга и его неунывающего героя Тома Джонса. Поэтому печатник Эндрю Миллар увеличит тираж новой книги мирового судьи Вестминстера и Мидлсекса, в прошлом драматурга, а теперь успешного соперника знаменитого Ричардсона. Но продажа «Амелии» замедлится, спрос упадет, и переиздание романа состоится лишь спустя десятилетие [Battestin, 1989; Paulson, 2000; Sabor, 1996; Varey, 1986].

Биографы Филдинга подробно восстанавливают обстоятельства появления на литературной сцене «Амелии», описывают события, предшествующие либо сопровождающие знакомство читателей Лондона с романом, комментируют доброжелательные и предвзятые отклики на «Амелию», появившиеся в столичной периодике, и пространно пересказывают подробности разыгравшегося вокруг автора и его сочинения скандала, вылившегося в прецедент знаменитой «журналистской войны» (“Paper War”) [Роджерс, 1984; Battestin, 1989, p. 538–542; Paulson, 2000, p. 285–287; Varey, 1986, p. 107–112]. Они заинтересованно передают вспыхнувшую вокруг «Амелии» полемику и рассказывают о потоке пародий, памфлетов, насмешливых стилизаций, обнажающих, по мнению обескураженных со-

¹ Соотечественники отдавали должное карьерным успехам Аллена, долгое время он исполнял обязанности мэра Бата, отказываясь от почестей и наград. Ценили в нем ум, образованность, человеколюбие, умение открывать и привлекать к себе даровитых людей. Аллена почитали многие интеллектуалы эпохи, среди них Александр Поуп, епископ и писатель Уильям Уорбертон, религиозный мыслитель Ричард Херд, виг, военный министр в годы Семилетней войны Уильям Питт, граф Чатам [Воусе, 1967].

² Во вступлении к первой книге «Амелии» автор уверяет, что «жизнь по праву ... можно назвать искусством, как и всякое другое» и утверждает, что «безосновательно приписывать все обыкновенные события вмешательству Фортуны» [Филдинг, 1996, с. 8].

³ Филдинг был наслышан о незаурядном характере дочери Георга II, Амелии Великобританской (1711–1786). Утверждали, что она – «одна из самых необычных британских принцесс, которая закрывает уши на всяческую лесть, а сердце ее честнее некуда» [Van der Kiste, 1997, p. 130]. Имя Амелия он выберет и для своей дочери, не прожившей и года.

⁴ Любопытно, что история о злключениях Амелии и Уильяма Бутов поначалу пользуется бóльшим успехом за пределами Англии – в Германии и Дании.

временников Филдинга, заурядность и непритязательность героев книги писателя, которая едва ли повторит головокружительный успех, выпавший на долю «Найденыша» [Battestin, 1998; Castle, 1998; Conway, 1998; Dickie, 2008; Rawson, 1996; Rawson, 1987; Sabor, 1996; Sabor, 2004; Varey, 1986].

Сосредоточенность исследователей на внимании читателей к «Амелии», их отзывам о романе объясняется желанием понять метаморфозы, произошедшие с Филдингом, представшем перед публикой в роли невозмутимого, объективного автора, отбросившего столь любившуюся его аудитории комическую форму и отважившегося населить пространство своего романа персонажами, поглощенными будничными заботами, существующими в круговерти житейских мелочей, прозаичных поступков и обязательств.

Историки литературы предпримут попытку разобраться в обилии оценок, скороспелых суждений, сопровождавших знакомство лондонцев с содержанием «Амелии», описать мотивы их разочарования в тексте, который, несомненно, был создан в соответствии с особенностями «новой области письма» [Battestin, 1989, p. 538–542; Sabor, 1996, p. 106; Varey, 1986, p. 112], но они, на первый взгляд, показались недостаточно яркими, убедительными, а порою недостойными пера сочинителя, претендовавшего на славу Скриблеруса Второго, за чьиими плечами был шумный успех комедиографа, журналиста, сатирика, романиста, герои которого, Джозеф Эндрюс и Том Джонс, подобно Памеле и Клариссе Ричардсона, расположили к себе читательское сердце.

Проницательные истолкователи «Амелии» укажут на очевидное желание Филдинга вторгнуться на «территорию Ричардсона» с тем, чтобы поведать историю женской судьбы, трогательную душу. И вместо увлекательных походов определяющихся в жизни юных провинциалов рассказать о милой молодой женщине, однако твердой в решениях, поступках, верной в привязанностях. Отбросив сомнения, почитатели психологического мастерства, которым, несомненно, был наделен Ричардсон, справедливо заметят, что едва ли Филдинг в «Амелии» превзошел Ричардсона в умении передать сложную по рисунку эмоциональную тональность персонажей [Conway, 1998; Dickie, 2008; Paulson, 2000; Sabor, 2004].

Будучи пристрастными, критики Филдинга не заметят, что тонкая нюансировка характеров не входила в намерение писателя, несмотря на то, что в романе герои неистово предаются чувствительности, страдают, проливают слезы, обессилены, теряют сознание, но напряженная эмоциональная атмосфера в «Амелии» описывается рассказчиком как бы со стороны, через саморазвертывающуюся драматургию сюжета с тем, чтобы указать на несходство натур действующих лиц «Амелии», где преуспевают в жизни и беззаботно ею наслаждаются персоны расчетливые, корыстные, эгоцентричные, безучастные к чужому горю, одержимые лишь собственными желаниями [Battestin, 1998; Battestin, 1989; Castle, 1998; Paulson, 2000; Rawson, 1996; Rawson, 1987; Varey, 1986].

В основу романа Филдинг положит эпизод из жизни четы Бутов, когда с особой остротой перед семейной парой встанут вопросы существования и относительного благополучия, так как прежде благоволившая к ним судьба, казалось, отвернулась от молодых людей [Fielding, 2016]. Амелия Бут потеряет мать, лишится наследства, старшая сестра откажет ей от дома. Уильям Бут после тяжелых ранений, полученных на войне⁵, а также из-за неудачного фермерского опыта обрстет долгами, утратит покой и, отправившись в столицу, попытается облегчить себе поиск достойного заработка. Поток неприятностей, передраг, непреднамеренных проступков, ошибок, совершенных Уильямом Бутом, насторожит и разочарует читателей. Также малопривлекательным и несовершенным окажется мир, который «выстроит» автор в романе. В нем, как в реальности, стихия беспощадна к человеку, морские бури безжалостно разрушают корабли⁶, войны несут смерть и страдания, а имена доблестных героев, увы, не всегда будут овеяны славой. Механизмы, обеспечивающие деятельность государства, постоянно дают сбои, хотя из поколения в поколение политики, не останавливаясь, сочиняют трактаты, где предлагают пути совершенствования законов, управляющих отношениями подданных [Battestin, 1989; Paulson, 2000, p. 289–294].

⁵ Столкновение между Англией и Испанией за Гибралтар имели место с февраля по июнь 1727 г.

⁶ Все же Буту суждено спастись от неминуемой гибели.

Неоднозначны и двойственны большинство персонажей последнего романа Филдинга, они безупречны, открыты слабостям, в меру человеколюбивы, эгоистичны, порою эксцентричны, вероломны, к себе снисходительны, к другим – беспощадны, и им, столь разным и несхожим друг с другом, необходимо постоянно делать выбор между добрым побуждением и разрушительным порывом, научиться обоснованности поведения с тем, чтобы уцелеть на ристалище жизни [Ингер, 1996; Conway, 1998; Varey, 1986, p. 112–134].

Напомним, что критики и читатели XVIII ст. оценили намерение Филдинга показать в романе «Амелия» (1751) жизнь молодой семьи как неожиданное и многообещающее [Paulson, 2000, p. 289–294; Varey, 1986, p. 107–112]. Авторы рецензий на «Амелию», помещенных в лондонской периодике той поры, были приятно удивлены смелостью Филдинга, который соотнес счастливое воссоединение любящих героев с началом рассказываемой истории, в то время как многие сочинители, современники писателя, предпочитали завершить столь радостным событием сюжеты своих книг. Тема складывающихся в семейном союзе отношений мужчины и женщины, их взаимные обязательства друг перед другом, повторяющийся изо дня в день ритуал повседневных забот, опыт вхождения в социум, углубление представлений о нравах, обычаях среды определили содержательную направленность «Амелии» [Castle, 1998; Dickie, 2008; Lupton, 2008]⁷.

Несмотря на то, что события, обрушившиеся на Уильяма и Амелию Бутов, безрадостны – бедность, безденежье, вероломство окружающих, которое не сразу откроется – сюжет и его неожиданные повороты нельзя назвать мрачными и унылыми, так как смягчает их молодость протагонистов, сердечная привязанность друг к другу и своеобразие натур, легкомысленное следование страстям и беспечное равнодушие к играм Фортуны жизнелюбца Уильяма Бута и щедрой в собственной любви, обладающей не по возрасту мудростью и проникательностью Амелии, понимающей достоинства и недостатки своего избранника, великодушно сохраняя за ним свободу, прощая ему слабости, так как осознает безмерность счастья пережить выпавшее им большое чувство.

Казалось бы, внешние причины, сопровождающие пребывание Бутов в Лондоне – а оно скоротечно, укладывается в неполные три месяца, начинается с Пасхальной недели, – тревожны, печальны. Приехав в столичный город в ночь на 1 апреля, Бут бросится разнимать уличную драку, защитив слабого от грубой силы обидчиков, и предстанет перед судьей Трэшером, обвиненный в нарушении порядка, и, по мнению последнего, утверждение стражников будет веским и доказательным, поскольку поношенная одежда и отсутствие денег окажутся убедительным подтверждением злостности молодого человека. Приговор будет озвучен незамедлительно, и Бут, сам того не ожидая, очутится в тюрьме.

Живописные фигуры узников, которые пройдут перед Бутом, и его поводырь по кругам тюремного ада Робинсон, выказавший ему участие, а позже безжалостно обманувший его, играя в карты, убедят Бута в том, что у каждого обитателя социального дна, уклад которых и мораль удивительно напоминают поведение и привычки благополучных горожан, своя предыстория, собственное бремя заблуждений, ошибок и узаконенная обществом обреченность на отсутствие милосердия.

Однако Уильяму Буту милосердие и участие будет даровано случаем. Его узнает и спасет буквально от голода и обид мисс Фанни Мэтьюз, молодая, состоятельная красавица, попытавшаяся наказать своего неверного возлюбленного. Атмосферу семейного романа и невеселого нравоописания будней незадачливого капитана Бута, легкомысленно усложнившего и без того неблагоприятные обстоятельства, Филдинг скрасит комедийной линией флирта, ухаживаний и причудливо складывающихся любовных треугольников, участниками которых в прошлом либо настоящем окажутся персонажи «Амелии».

⁷ Кристина Лаптон уверяет, что лишь отдельные писатели середины XVIII в. заинтересовались проблемой семьи в романах, называя «Памелу» Ричардсона и «Простую историю» Инчболд. Последующая литературная традиция также, скорее, соотносила жанр с кризисной атмосферой брака, нежели видела в нем идиллический любовный союз. До Филдинга писателей матримониальные отношения, скорее, интересовали в ключе обретения персонажем статусно-экономических преимуществ [Lupton, 2008, p. 287–288].

Юный бог любви вскружит головы многим героям романа, и они в состоянии влюбленности будут добиваться внимания от своего предмета страсти, открыто выражая симпатию приглянувшейся особе, тайно интриговать, противостоять сопернику, строить далеко идущие планы и предлагать руку и сердце, а порою ловко склоняют неискушенного либо уступчивого наперсника или наперсницу к супружеской неверности. Семейные узы соединят нескольких персонажей романа – Амелию Гаррис и Уильяма Бута, Дженни Бат и поначалу майора, а затем полковника Роберта Джеймса, миссис Молли Беннет и привлекательного сержанта Джозефа Аткинсона. В этом ряду стоит упомянуть и семейство Трентов, хотя основой их брака окажется выгода, расчет, стремление обогатиться, не гнушаясь низкими услугами, оказываемыми пресыщенным аристократам, заполняющим свои дни игрой чужими судьбами.

Двенадцать книг «Амелии» внутри структуры обладают особым единством и плотностью фабульных связей, поэтому книги один и четыре выполняют функцию экспозиции к роману, где очерчен круг основных действующих лиц «Амелии», ретроспективно описаны отношения дружеского круга мужчин, Уильяма Бута, Роберта Джеймса, Бата, бывших участниками англо-испанской войны 1727–1729 гг. Характеры их привлекательны, они внимательно друг к другу, принимают близко к сердцу тяготы каждого. Спустя годы, пережив полосу неудач, Бут встретит Джеймса и Бата вновь. Казалось бы, читатель вправе ожидать возобновления прежних отношений между ними, однако различия положений в обществе сыграют свою роль в отчуждении друзей. Невольно Бут окажется соперником известного повесы полковника Джеймса, несколько лет тому назад женившегося на Дженни Бат, но в скором времени охладевшего к своей избраннице. Так случится, что состоятельный и праздный Джеймс станет оказывать знаки внимания весьма привередливой и вздорной красавице Фанни Мэтьюз, которая, вновь повстречав Уильяма Бута, осознает, что все эти годы не могла забыть своего достойного друга юности.

В последующих пятой–восьмой книгах романа сюжетное действие становится прихотливым и трудно предсказуемым. Здесь в большей степени откроются характеры персонажей, с которыми повороты судьбы свели лишь недавно Уильяма и Амелию Бутов. Имевшая высокопоставленную родню миссис Эллисон, владелица дома, сдавшая комнаты Бутам, ее знакомая, молодая, обладавшая прекрасными манерами вдова миссис Беннет и доводившийся кузеню Эллисон некий знатный Лорд поначалу выступают фигурами фона, составляют приятную среду общения и очаровывают провинциалов.

Однако круговорот повседневных забот, ритуалов все же позволит Амелии и Уильяму присмотреться к натурам новых знакомцев. И доброжелательная, сердечная, услужливая миссис Эллисон, симпатизирующая молодой паре, не только будет стремиться развеять их тревоги, выводить в свет Амелию, помогать через стряпчего Мэрфи обезопасить Бута от преследования кредиторов, но и, сбросив личину, предстанет в роли циничной сводницы, потакающей пресыщенным утехам своего влиятельного родственника. Миссис Беннет окажется прекрасно воспитанной, образованной дамой, но и подлинной страдальницей из-за коварства и криводушия Эллисон и упомянутого вельможи, разбивших ее жизнь.

Но пока еще чета Бутов доверяет новым лондонским друзьям, и Уильям, отдалившись от Роберта Джеймса, ищет покровительства сиятельного лорда, уверившего капитана в том, что он окажет всяческое содействие его возвращению в армию. Неожиданно для Бута на его пути вновь возникнет эксцентричный чудак, поборник воинской доблести и чести, прежде майор, а теперь уже полковник Бат, с которым он свел дружбу в военную кампанию битвы за Гибралтар. Радужная встреча спустя некоторое время обернется ссорой, поединком, который выигрывает Бут, после чего удостоится похвалы противника. Обескураживающее поведение полковника окажется продуманной стратегией с тем, чтобы доказать мужу своей сестры, Роберту Джеймсу, несомненную порядочность Уильяма.

Произойдет примирение, Джеймс, оскорбленный гневливой Мэтьюз, раскается, ненадолго забудет капризную подругу. Теперь уже в роли утешителя выступит Бут, приведет ветреного приятеля в свой дом, где теплота и щедрость Амелии окажут магическое воздействие на настроение Джеймса. Мэтьюз утратит власть над Джеймсом, он излечится от привязанности к ней и в изумлении откроет для себя незаурядность и красоту Амелии.

Поток дней, которые проведут Буты, снимая квартиру у миссис Эллисон, воссозданные автором в пятой–восьмой книгах романа, дают Амелии и Уильяму надежду на избавление от сложных проблем. Владелица дома, ее кузен – влиятельный Лорд обещают помощь, поддержку, проявляют доброжелательность и уверяют доверчивых Амелию и Уильяма в реальности возвращения Бута в армию. Лорд ведет себя уважительно, одаривает Амелию подарками, забывает о заносчивости и тщеславии миссис Дженни Джеймс, заставившей с визитами. Восстановит репутацию друга семьи и сам Джеймс. Однако идиллические сцены семейного счастья, общения с приятелями, прогулки по лондонским паркам, посещение театров, кофеен завершатся вероломной ловушкой. Бут вновь лишится свободы, попадет теперь уже в долговую тюрьму, откуда его вызволят верный Аткинсон, не чуждый благих намерений Джеймс и давний покровитель Уильяма и Амелии Бутов священник Гаррисон.

Нежданно в канун любимого лондонцами развлечения – грандиозного бала-маскарада – Амелия, потрясенная трагическими обстоятельствами в жизни миссис Беннет⁸, в тревоге осознает, что едва ли предполагает, какие подлинные намерения в отношении нее и Уильяма умело скрывают, прикрывшись благожелательностью, миссис Эллисон, сиятельный лорд и полковник Джеймс.

Кульминацией многих сюжетных линий романа станет красочное представление, столичный маскарад (книга десять), куда отправятся, испытывая различные чувства, нарядные Буты и Джеймсы. В оперном театре их разлучат другие маски, и гости станут участниками и свидетелями забавных розыгрышей, скандалов, любовных приключений, вызывающе дерзких сцен флирта, окажутся бессильными разгадать тайны актерствующих персонажей. Сбитые с толку путаницей, потерявшие своих дам, Бут и Джеймс покинут маскарад раздельно.

В девятой–двенадцатой книгах романа читатель накоротке познакомится с доктором Гаррисоном, священником, истинно близким человеком для Амелии и Уильяма Бутов. По натуре он искренний, порывистый, поборник справедливости и морали, но излишне горяч, поспешен, а потому порою заблуждается, совершает ошибки, но из высоких целей человеколюбия. В «Амелии» Филдинга Гаррисона, наравне с полковником Батом, вероятно, можно назвать кихотическими персонажами.

Читателю Филдинга имя Гаррисона уже известно. О нем с теплотой отзовется Уильям Бут, беседа с Фанни Мэтьюз. Со слов Уильяма, Гаррисон, давний друг родителей Амелии, проникнется симпатией к Буту, поверит в его любовь к Амелии и всячески будет способствовать заключению брака молодых людей. Гаррисон сыграет важную роль в судьбе юных влюбленных, напомнит лейтенанту Буту о воинской чести, необходимости участия во вспыхнувшем военном конфликте. Он же поддержит Бута и его жену в печальной ситуации: неожиданном уходе из жизни матери Амелии и необъяснимом извещении о лишении ее права на наследство. Участливый Гаррисон предложит семье Бутов кров, а затем «пристроит» Уильяма к занятию фермерством в провинции, в чем, однако, Бут не преуспеет. Вернувшись из поездки по Европе, прослышав о легкомысленности Уильяма, о долгах, испортивших репутацию Бута в глазах соседей, нетерпимый Гаррисон навестит Бутов в Лондоне, обнаружит в доме обилие дорогих безделушек (недавние подношения сиятельного Лорда Амелии), удивится их тщеславию и подаст иск в суд на взыскание долгов, что обособанно приведет к помещению Бута в подобие долговой тюрьмы.

В последних книгах характер сюжетного действия меняется. Его заполняют беседы, которые ведет доктор Гаррисон с героями романа о проблемах современной морали. Спорит с Батом о допустимости дуэлей в обществе, о возможности защитить честь с помощью весомого слова, рассуждает с Амелией о важности свободы выбора даже в обстоятельствах, когда представляется, что подлинный выбор отсутствует. Ведет долгие разговоры с приятелем-священником и его сыном об умении совершать и помнить добро и о причинах и социальной почве «произрастания» грехов человеческих.

⁸ Миссис Беннет, дочь священника из Эссекса, поведаст Амелии об утратах и потрясениях, которые ей довелось испытать в течение нескольких лет, предшествующих их встрече. Рассказ Молли Беннет о себе займет седьмой том романа.

Доктор Гаррисон – подлинный защитник справедливости, человечности, чистоты нравов. Но внимают его речам лишь те, кто являются единомышленниками теолога. На праздных и дерзких молодых людей цветистые речи Гаррисона, его возвышенный слог и правота суждений не действуют. Особенно неуважительно «обойдется» прихотливый случай с обличительным посланием Гаррисона Джеймсу, где Гаррисон пытается разбудить добрые начала в его душе, уверяя, что Роберт Джеймс в силах осознать разрушительность страсти, которая им владеет в отношении Амелии, жены его близкого друга. Джеймс, увлеченный праздником, теряет письмо, его найдут юные щеголи-насмешники, начнут читать как проповедь, вызывая улыбки участников маскарада. Сие постыдное действие завершит поборник морали Бат, отобрав у весельчаков «трактат» о супружеском целомудрии и вручит его Буту. Бута содержание записки Гаррисона развеселит, потому что он соотнесет его с аскетичным характером полковника Бата. Однако удостоверившись в неведении Бата о сути обращения к нему священника, внезапно догадается об адресате и о том, что произошедшее задевает самого Бута.

Атмосфера серьезности завершающих томов «Амелии» несколько смущает критиков. Им непривычно воспринимать Филдинга в роли строгого моралиста и судьи. Не все из них находят мотивированным духовное преображение героя романа, молодого человека, тепло и симпатичного, прежде особо ценившего полноту жизни, игру страстей, склонного к сомнению, не слишком обременявшего себя вопросами веры и неотвратимости божественного промысла.

Вновь препровожденный в дом знакомого судебного пристава из-за иска бывшего сослуживца Трента, появившегося вследствие карточного долга, пережив потрясение, раскаявшись, откликнувшись душой на проповеди Исаака Барроу (1630–1677), богослова, поэта, математика, наставника Ньютона, личности привлекательной, харизматичной, Бут приходит к осознанному принятию Веры, приведя в равновесие с нею свои Разум и Чувство.

Романный мир «Амелии» заполнен обилием героев, чьи житейские истории причудливо переплетены. Сюжетное движение дробится на эпизоды, сцены, зарисовки нравов. Читателю открыто камерное существование персонажей в пределах границ дома, семьи, но порою по воле автора он включается в разноликие пространства обитания лондонцев. Веселящаяся, праздная толпа заполняет парки, улицы, кофейни. Горожане с радостью участвуют в маскарадах, не забывают о посещении театров, отдают дань церковным службам. Великосветские салоны заполнены гостями, а тюрьмы – осужденными, которые не оставляют без хлеба насущного судей, констеблей, стряпчих.

В художественной реальности «Амелии» легко затеряться, ее сложный рисунок задан богатством тем и аллюзий, которые придется распознать и попробовать разгадать в ней многозначную игру смыслов. Незатейливый рассказ о любви, верности, разочарованиях некоей молодой пары Филдинг щедро насытит автобиографическими проекциями, резонансной перекличкой с сюжетикой «Энеиды» Вергилия, где на иносказательном уровне сблизит образы протагонистов и оттенит сходство их пути потерь, утрат, унижений как кануна состоявшейся героической судьбы [Mace, 1996; Powers, 1956; Paulson, 2000, p. 294–300]. Найдет отражение в «Амелии» и полемика Филдинга с Ричардсоном. Испытав восхищение и признав величие Ричардсона, автора «Клариссы», Филдинг в образе Амелии подчеркнет созидательную силу земной любви, противопоставив ее недостижимому образу любви идеальной. Присутствующий в романе мотив религиозного обращения Бута, его нравственного преображения из вольнодумца и деиста в героя, стремящегося найти весомые ценностные ориентиры в жизни, наполнится благодаря Филдингу этико-экзистенциальными оттенками выбора, пришедшего с опытом «искусства жизни».

Список использованной литературы

- Ингер А. Г. Последний роман Генри Филдинга. Филдинг Г. Амелия. М.: Наука, 1996. С. 445–485.
- Роджерс П. Генри Филдинг. Биография. М.: Радуга, 1984. 207 с.
- Филдинг Г. Амелия. М.: Наука, 1996. 535 с.
- Battestin M. The Failure of *Amelia*: Fielding's Novel of Sentiment. Critical Essays on Henry Fielding / ed. by A.J. Rivero. New York: Macmillan, 1998. P. 209–219.
- Battestin M. Henry Fielding. A Life. London, New York: Routledge, 1989. 738 p.

- Boyce B. *The Benevolent Man: a Life of Ralph Allen of Bath*. Cambridge: Harvard University Press, 1967. 346 p.
- Castle T. *Masquerade and Allegory: Fielding's "Amelia"*. *Critical Essays on Henry Fielding* / ed. by A. J. Rivero. New York: Macmillan, 1998. P. 164–194.
- Conway A. *Fielding's "Amelia" and the Aesthetics of Virtue*. *Critical Essays on Henry Fielding* / ed. by A.J. Rivero. New York: Macmillan, 1998. P. 195–208.
- Dickie S. *"Amelia", Sex, and Fielding's Woman Question*. *Henry Fielding. Novelist, Playwright, Journalist, Magistrate* / ed. by C. Rawson. Newark: University of Delaware Press, 2008. 337 p.
- Fielding H. *Amelia*. 2016. URL: <http://www.gutenberg.org/files/6098/6098h/6098-h.htm> (Последнее обращение 23.02.2021).
- Lupton Ch. *Marriage as a Literary Problem in Fielding's "Amelia"*. *Henry Fielding in Our Time: Papers Presented at the tercentenary Conference* / ed. by J.A. Downie. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – P. 287–302.
- Mace N.A. *Henry Fielding's Novels and the Classical Tradition*. Newark: University of Delaware Press, 1996. 198 p.
- Pagliario H. *Henry Fielding. A Literary Life*. – New York: St. Martin's Press, 1998. 237 p.
- Paulson R. *The Life of Henry Fielding*. Oxford, Malden: Blackwell, 2000. 400 p.
- Powers L.H. *The Influence of "The Aeneid" on Fielding's "Amelia"*. *Modern Language Notes*. 1956. № 71. P. 330–336.
- Rawson C. *Henry Fielding. The Cambridge Companion to the Eighteenth Century Novel* / ed. by J. Richetti. Cambridge: Cambridge UP, 1996. P. 120–152.
- Rawson C. *Nature, Cruel Circumstance and the Rage for Order: "Amelia"*. *Henry Fielding. Modern Critical Views* / ed. by H. Bloom. New York: Chelsea House Publishers, 1987. P. 131–161.
- Sabor P. *Amelia. The Cambridge Companion to Henry Fielding* / ed. by C. Rawson. Cambridge: Cambridge UP, 1996. P. 94–108.
- Sabor P. *Richardson, Fielding, and Sarah Fielding. The Cambridge Companion to English Literature 1740–1830* / ed. by Th. Keymer, J. Mee. Cambridge: Cambridge UP, 2004. P. 139–156.
- Van der Kiste J. *George II and Queen Caroline*. Stroud: Sutton Publishing, 1997. 230 p.
- Varey S. *Henry Fielding*. Cambridge: Cambridge UP, 1986. 153 p.